Под рубрикой «Лики красоты» сегодня мы публикуем работу Дмитрия Левицкого, русского художника XVIII века. Именно в это время, на рубеже XVII — XVIII веков, в России совершается исторический переход от средневековых религиозных форм духовной жизни и светской.

Переход, подготовленный всем предшествующим развитием русского общества. Русская культура включается, таким образом, в общий ход художественного европейского прогресса. Наши замечательные живописцы Аргунов , Рокотов, Левицкий, Боровиковский вносят неоценимый вклад в сокровищницу искусства, пополнив галерею шедевров мирового портрета. " ...Заказ императрицы был неожиданным: писать на холсте маслом воспитанницу Смольного института Екатерину Нелидову. Левицкий подумал: «Не каприз ли?» Через неделю императрица забудет о своей прихоти, канцелярия откажется выплатить деньги, не выручить даже тех, что пошли на краски» Тем более, что про Нелидову рассказывали, будто происходит она из совсем незнатного дворянского рода Смоленской губернии. Правда, на недавнем спектакле, сыгранном старшими воспитанницами института, она весьма отличилась.

Левицкий в последнее время был избалован заказами. Ему позировали и вельможи и придворные дамы. В его мастерскую приезжали, чтобы провести время в приятной беседе об искусстве и обменяться новостями, архитектор и директор Академии

художеств Покоринов, поэты Львов и Дмитриев, друзья художника. Бывал здесь и Новиков, как раз в это время издававшим свой сатирический журнал «Живописец». Именно его, Левицкого, назначили руководить портретным классом в Академии художеств, хотя этого места несколько лет дожидался прославленный художник Рокотов. И вот теперь заказ самой императрицы.

А ведь прошло всего десять лет, как появился в Петербурге никому не известный Дмитрий Левицкий, сын украинского священника, с детства почувствовавший неудержимую тягу и искусству. Отец Дмитрия работал как гравер по заказам Киево-Печерской лавры, и мальчик помогал отцу, пока не понял, что способен на большее. Левицкий становится учеником художника Антропова, едет с ним в Москву, а потом в Петербург. Когда в 1769 году он осмелился выставить сразу несколько своих самостоятельных работ, знатоки были поражены зрелостью его мастерства... Ему присудили звание академика. Пожалуй, никто в России не мог соперничать с ним в искусстве гармонического сочетания красок, переливов, мягких тонов — любой из его портретов смотрится как драгоценность даже на стене нарядного дворцового зала. И все же ценили его за другое. Он писал так, что сходство улавливалось с первого взгляда, хотя портрет явно приукрашал модель. Да, Левицкий писал человека не таким, каким тот был, а каким хотел бы его увидеть не из чувства угодливости, не из желания польстить, просто именно так понимал он задачи искусства, веруя в его воспитывающую силу. Галантность — одна из определяющих особенностей европейского, прежде всего французского искусства XVIII века. Но Левицкий был не просто галантным художником. Он воспринял этот стиль искусства в его лучших образцах. В России этому времени уже были собраны коллекции произведений французских художников Пуссена, Клода, Лоррена, Ватто, Буше, Ланкре. Левицкий писал в стиле своего времени, когда естественность обязательно сочеталась с изяществом, с аристократической утонченностью. И вместе с тем он, как истинный талант, унаследовал то, что во все времена определяло русскую художественную традицию, — знание созидательной силы искусства, высоту ее духовной направленности.

Не случайно, собираясь писать портрет Нелидовой, художник хотел как можно больше узнать про Смольный институт, основанный Екатериной в 1764 году, с целью воспитания «новой породы» светских женщин. Для этой цели девочек четырех — шести лет брали у родителей. Во все время десятилетнего пребывания в институте им не разрешалось видеться и общаться с родителями, разве что в присутствии гувернеров. Что должно прельщать в светской женщине? Хорошие манеры, любезность, умение поддержать легкую и занимательную беседу, «не умничал». В этом духе и воспитывали девочек. Левицкий жалел девочек, которые растут, не зная материнской ласки, но в то же время мысль о «новой породе» женщин показалась ему интересной. Он думал, что эти девочки призваны смягчить жестокие и неистовые нравы русского общества.

Нелидову Левицкий впервые увидел, когда ей было пятнадцать лет. Маленького роста, с мелкими и неправильными чертами лица, она не произвела на него впечатления. Пожалуй, только улыбка у девочки была хороша.

Потом Левицкий присутствовал на представлении оперы Перголезе «Служанка-госпожа», которую разыгрывали воспитанницы института. Нелидова исполняла главную роль — кокетливой, ловкой, шаловливой служанки Сербины, с помощью хитроумных проделок женившей на себе барина. Девочка на сцене была неузнаваема: столько грации, такая непринужденность!

Левицкий решил писать Нелидову во весь рост на большом полотне — как иначе передашь легкость движений, изящество жеста, скользящую, неуловимую грацию? Она должна быть одета в простое платье служанки Сербины, маленькую шляпку, украшенную цветами и лентами. Платье и фон художник писал почти одинаковыми красками, но фон получился глухим, а платье искрится, сверкает, будто колышется и плывет перед глазами, и вся Нелидова возникает как легкое серебристое чудо на фоне темных облаков и зелени. Ее лицо со вздернутым носиком и глазами плутовки он писал, добиваясь впечатления света, которым полны девичье лицо, ее улыбка...

В последующие годы Левицкий написал еще несколько смолянок — Борщеву, Левшину, Алымову, Ржевскую. Всех — во весь рост, на большом холсте. Портреты смолянок выделяются среди других его созданий не блестящей техникой и мастерством — оно никогда ему не изменяло,— а какой-то особой задушевностью.

Л. Осипова,
«Работница», 1974 г.